УДК 340:115.3 + 340.5 + 340.113

А. Б. Дидикин

СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: АРГУМЕНТЫ РЕАЛИЗМА И АНТИРЕАЛИЗМА

Статья посвящена реконструкции основных подходов к интерпретации проблемы следования правилу в юридическом языке. Рассмотрены скептические аргументы о возможности проведения аналогии между высказываниями Л. Витгенштейна о проблеме следования правилу и практикой применения юридических правил, а также позиции реализма и антиреализма о сущности юридических правил и их интерпретации на практике. Обосновывается позиция о том, что прямое использование аргументов Л. Витгенштейна в юридическом языке по аналогии невозможно, однако его методологический подход для преодоления противоречий употребления юридических терминов полезен и необходим.

Ключевые слова: юридический язык, следование правилу, правило, правовая норма, интерпретация, значение термина.

Особенности юридического языка и его философского осмысления определяются специфическими функциями права как социального регулятора общественных отношений. В философии права существует ряд теорий, которые акцентируют внимание на том, каким образом правовые явления отображаются с помощью правовых высказываний. В частности, в нормативизме Ганса Кельзена право представляет собой иерархию логически взаимосвязанных правовых норм, которые имеют общий и индивидуальный характер. Такие правовые нормы, безусловно, содержат модель должного развития общественных отношений и способы их регулирования, однако к таким отношениям неприменимы традиционные представления о причинно-следственных связях, поскольку эмпирически наблюдаемые действия могут приобрести юридический смысл и значение только при наличии акта уполномоченного субъекта [5, *274*].

Иными словами, правовая реальность отражается в юридическом языке иначе, чем иные объекты в мире. Аналогично и Герберт Харт отмечает аскриптивный характер юридических высказываний, поскольку использование грамматических

© Дидикин А. Б., 2015

конструкций в праве, в отличие от других сфер знания, предполагает одновременное совершение юридически значимого действия, осуществление квалификации и оценки происходящих событий и действий, а в некоторых случаях — привлечение к ответственности [8, *124*]. Не случайно эпистемологические вопросы возникают именно при анализе взаимодействия содержания правовых норм, правовых отношений и действий, а также с точки зрения полноты отражения в правовых нормах существующих отношений и многообразия человеческих действий.

Проблема следования правилу, сформулированная Л. Витгенштейном в поздний период его творчества, послужила одной из основ так называемого «лингвистического поворота» в философии права и становления аналитической традиции. Дискуссии современных философов права не случайно концентрируются на наследии Витгенштейна, ведь понятийный аппарат в правовой сфере формируется на основе базовых философских категорий аналитической философии.

Классическая формулировка проблемы следования правилу у Витгенштейна, которая в философской литературе рассматривается как парадокс (В. А. Суровцев, В. А. Ладов) [7, 11], имеющий множество лингвистических интерпретаций (С. Крипке, Г. Бейкер, П. Хакер и др.) [6, 1], звучит следующим образом: «ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом» [2, *163*]. Использование Витгенштейном понятия «правило» многих философов права вводит в заблуждение, но подчеркивает нормативные следствия, которые относятся к множеству языковых практик, где действия могут оцениваться как правильные или неправильные. Такая оценка по своей сути позволяет интерпретировать правила, описывая ситуацию «языковой игры» и определяя содержание правила. Ключевой философский вопрос состоит в поиске такой адекватной интерпретации, устранении противоречий при употреблении языковых выражений и обнаружении формулировки правила, по поводу которой в лингвистическом сообществе существует согласие. Однако, следуя мыслям Витгенштейна, можно увидеть, что интерпретация правила нередко позволяет лишь заменить одну формулировку на другую, сохраняя при этом вопрос о степени соответствия эмпирически наблюдаемых действий правилу [3, *145–149*; 10, *131*].

Аргументы Витгенштейна о проблеме следования правилу сформировали ряд неоднозначных интерпретаций этой философской проблемы в аналитической философии права в свете вопроса об определенности юридических правил и их предписаний. Реалисты указывают на то, что право по своей природе — фундаментально неопределенное явление, и причины такого положения дел кроются в обыденном языке. Неопределенность языка и его конструкций с неизбежностью приводит к неопределенности и юридических высказываний, поскольку функция правовых норм (содержащих правила поведения) — раскрыть многообразие действий людей и отношений между ними [4, *105*]. Реалисты в значительной степени опираются на интерпретацию аргументов Витгенштейна, представленную Крипке. Если математическое правило сложения применяется нами интуитивно (например, если нам необходимо продолжить числовой ряд на основе правила сложения «добавить 2»), то при осуществлении математических операций мы всегда находим верный ответ [6]. То же самое, по мнению реалистов, происходит

при принятии правовых решений. Когда судья принимает решение, он опирается не на формальное следование юридическому правилу, которое неопределенно по содержанию и содержит пробелы, а на существующие социальные практики применения таких правил, а также на иные социальные факторы, формирующие контекст принятия судебного решения (нормы морали, идеология, профессиональные стандарты и т. п.). Реалисты подчеркивают, что неопределенность правил непреодолима и присутствует во всех случаях. Юридические правила изначально содержат множество альтернативных интерпретаций, выбор которых судьей или иным должностным лицом может осуществляться свободно, за исключением формальных ограничений (например, возможности обжалования и отмены судебного решения вышестоящей инстанцией) [13, *37*].

Корректна ли такая интерпретация взглядов Витгенштейна? Известно мнение одного из участников дискуссии, Брайана Бикса, что интерпретация Крипке взглядов Витгенштейна давно вызывает ряд возражений и ее экстраполяция в сферу права недопустима [Там же, *46*]. Витгенштейн подчеркивает конвенциональный характер языка и многообразие «языковых игр», но из данного факта не следует отсутствие хотя бы временного консенсуса по поводу употребления слов. Такой консенсус может иметь политическую и идеологическую основу, и именно поэтому применение правил может быть гибким и достаточно определенным.

Реалисты не замечают и другое последствие использования интерпретации Крипке — скептического аргумента, который искажает идеи Витгенштейна. Скептический аргумент состоит в том, что мы не можем знать о том, что следуем правилу («мы следуем правилу слепо»), и отсутствие такого знания не позволяет обосновать процесс следования правилу. В то же время Витгенштейн обращает внимание на вопрос о том, как правило определяет наши действия. Если знаков и символов в структуре правила недостаточно, чтобы знать, какие определенные действия необходимо совершить, то и добавление знаков и символов не исключает неопределенности. Скептический аргумент наряду с реалистами разделяет и Дэвид Пирс, указывая на то, что язык может использоваться независимо от его отношения к миру: «ни одно правило не может лежать в основе слов, и полное выражение любого правила должно включать его текущие употребления» [18, *468*]. Таким образом, следование правилу неотделимо от действий, соответствующих или не соответствующих ему: «Стало быть, “следование правилу” — некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же» [2, *163*].

Б. Бикс показывает упрощенный подход реалистов в философии права к интерпретации взглядов Витгенштейна, который приводит к необоснованным выводам о специфике юридического языка. В основе проблемы следования правилу лежат понимание языка как «формы жизни» и разделение простых и сложных случаев словоупотребления. В простых случаях мы применяем правила одинаково. Например, мы можем продолжить высказывания на основе правила сложения «добавить 2» как «1000, 1002, 1004» [13, *48*]. Слово «мы» в данном случае включает всех, кто разделяет одну и ту же форму жизни, кто обучается одним и тем же правилам одинаково. Однако тот факт, что мы действуем одинаково, не говорит

о том, что делает эту практику соответствующей правилу. Необходим критерий для такого правильного словоупотребления, либо мы должны видеть понятие «правильности» в использовании языковых выражений.

В простых случаях, согласно Витгенштейну, не может быть оснований, точно определяющих действия: нет ментального состояния, внутреннего голоса или метафизической идеи. Не существует какой-либо сущности, которая обосновала бы или объясняла, почему мы действуем определенным образом, используя правило сложения «добавить 2». Это тот случай, когда люди обучаются действовать похожим образом, по одним и тем же правилам. Витгенштейн метафорически спрашивает: «как фиксируется следование правилу? Может быть, “логически” фиксируется? И с помощью других правил, и никак! — или, может, это означает: как мы соглашаемся в следовании правилу так и не иначе? Через обучение, тренировку и формы нашей жизни. Это не вопрос согласия, а форм жизни» [13, *44*].

В дискуссиях о следовании правилу в философии права также возникает вопрос о том, что является основанием считать правильным один способ следования правилу, а не другой. В частности, Деннис Паттерсон рассматривает два возможных ответа: вера в то, что правило само по себе определяет, как нужно действовать, либо согласие в обществе делает один подход более правильным, чем другой. Он полагает, что интерпретация правил может быть достаточно широкой, и ее допустимость определяется социальным контекстом применения правила. В юридическом языке очень часто комбинация разных языковых конструкций позволяет осуществлять толкование правовой нормы и адекватное уяснение ее смысла. Например, судья может дать разъяснение о том, как исполнять принятое судебное решение, а орган законодательной власти — дать определения терминов в законе. Также в странах англосаксонской правовой системы распространены случаи толкования юридических правил правовой доктриной, позволяющие единообразно применять соответствующие правовые нормы. Именно такие удобные интерпретации практики, по мнению Д. Паттерсона, позволяют в юридическом языке преодолеть парадоксы следования правилу [17]. Аналогичные рассуждения приводит Брайан Лангилл, который утверждает, что «идея Харта о судьях, использующих социальные правила с внутренней точки зрения, является применением фундаментального аргумента Витгенштейна о следовании правилу к юридическому правилу» [15, *498*].

Б. Бикс вместе с антиреалистами не поддерживает такую произвольную интерпретацию аргументов Витгенштейна применительно к праву, поскольку право представляет собой рефлексивную деятельность, участники которой рассматривают, обсуждают и аргументируют свои действия и решения [13, *48*]. В отличие от примера с правилом математического сложения юридические нарушения правовых норм предполагают несоблюдение правил, установленных правовыми нормами. Кроме того, терминология Витгенштейна не имеет ничего общего с юридической терминологией. Например, в его понимании «грамматика» совсем другое понятие, включающее и практики использования слов, критериев и оснований, допускающих нормальное словоупотребление. Он полагал, что многие философские проблемы возникают из-за нарушения грамматических правил. Тем самым вне лингвистического контекста и «языковых игр» обнаружить проблему следования правилу по аналогии невозможно.

Антиреалисты также отрицают тезис о том, что обыденный язык является фундаментально неопределенным. Из рассуждений Витгенштейна не следует, что стабильные значения выражений и конвенции относительно словоупотребления недостижимы. Следование правилам определяется социальным контекстом употребления выражений, а обучение пониманию правил способствует определенности (Б. Лангилл, А. Мармор и др.) [15, 16]. Именно практика правоприменения позволяет разрешать сложные судебные дела, а также способствует постоянному уточнению предписаний юридических норм.

Рассмотренные аргументы интерпретируют лишь возможности применения взглядов Витгенштейна, но не затрагивают специфику использования юридической терминологии. Ведь правовая норма не только обладает лингвистическим содержанием и формулируется с учетом правил грамматики, но и выполняет регулятивные функции, т. е. содержит предписания, при нарушении которых наступает юридическая ответственность либо иные формы ответственности. Г. Харт справедливо указывает на аскриптивный характер правовых понятий и правовых высказываний, ведь ключевая функция юридических терминов обеспечить квалифицированную оценку совершаемых действий — связующее звено между юридическими правилами и социальными отношениями [9, *162*]. В этом смысле правовые нормы императивны и не могут оцениваться на истинность или ложность по содержанию, поскольку выступают инструментом социального регулирования. Однако нормативное предписание в структуре правовой нормы является правилом, и в сложных случаях неопределенность правила может порождать пробелы в праве либо сложности с юридической квалификацией действий, что затрудняет применение правовой нормы. Отсюда безусловная актуальность рассуждений Витгенштейна и для правовой сферы.

Один из вопросов состоит в том, возможны ли юридически значимые действия, обусловленные правовыми нормами. В концепции Г. Харта именно первичные и вторичные правила образуют основу правовой системы и характер ее развития [12, *86–87*]. Первичные правила, непосредственно регулирующие социальные отношения, в юридической форме фиксируют выражения обыденного языка, допускают альтернативные варианты поведения. А вторичные правила, напротив, на метауровне определяют правовые процедуры, полномочия, механизмы принятия правовых решений. Иными словами, вторичные правила придают стабильность правовой системе, устраняют возможные пробелы первичных правил. Однако и в такой системе правил возможно возникновение «открытой структуры», пространства интерпретаций, когда первичные правила не устанавливают способ регулирования социальных отношений. Но, в отличие от реалистов, Харт не допускает фундаментальной неопределенности правил, поскольку судейское усмотрение ограничено целями и принципами развития правовой системы, а также минимальным моральным содержанием правовых норм.

Вторым важным вопросом является влияние проблемы следования правилу на условия легитимности юридически значимых действий. Следование правилу устраняет произвольный характер юридических решений, а судебное решение основывается на юридической квалификации эмпирических фактов и событий. В концепции Г. Харта этому тезису соответствует «правило признания», которое

обеспечивает взаимодействие уровней правил и содержит критерии системности правового регулирования, а в некоторых случаях — и фундаментальные ценности правовой системы в целом. Правило признания выступает концептуальной основой и условием формирования иных видов правил, что придает бóльшую определенность и стабильность толкованию нормативных предписаний и принятию правовых решений.

Существуют аргументы известных последователей Л. Витгенштейна, Г. Бейкера и П. Хакера, о том, что интерпретация правила до его применения невозможна, отсюда следует, что факты применения правила и создают его интерпретацию [1, *153*]. Практика использования судебных прецедентов в странах англосаксонской правовой системы соответствует этому тезису. Нормативные предписания мотивировочной части прецедента позволяют более гибко принимать судебные решения, применять аналогию закона и аналогию права и, как правило, интерпретируются в процессе их применения. Специфика юридического языка проявляется в том, что следование юридическим правилам может происходить и в процессе принятия законов (соблюдение парламентских процедур, определение общих понятий в законе, например, определение понятия «транспортное средство» у Харта), т. е. до возникновения правового регулирования, и в процессе правоприменения, когда толкование и интерпретация правил являются необходимыми для их правилосообразного применения. Легитимность процедур определяет дальнейшую правилосообразность действий субъектов права и выступает основой определенности при принятии правовых решений.

Таким образом, анализ позиций реализма и антиреализма, а также скептической аргументации о проблеме следования правилу в классических трудах Витгенштейна и его последователей имеет важное значение для понимания специфики юридического языка и правовых высказываний. Особенности правового регулирования социальных отношений, взаимодействия нормативных предписаний, действий и их юридической квалификации не позволяют применять традиционные представления об истинности/ложности таких высказываний. Проблема следования правилу с точки зрения прямого применения аргументов Витгенштейна к правовой сфере не проявляется, однако в сложных случаях «открытой структуры» права, а также при принятии правовых решений методологический подход Витгенштейна является полезным и необходимым, способствуя уточнению содержания юридических понятий и их конкретизации.

---

1. *Бейкер Г. П., Хакер П. М. С.* Скептицизм, правила и язык / под общ. ред. В. А. Суровцева. М., 2008.

2. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Т. 1.

3. *Грязнов А. Ф.* «Скептический парадокс» и пути его преодоления // Вопр. философии. 1989. № 12. С. 140–151.

4. *Дидикин А. Б., Оглезнев В. В.* Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск, 2012.

5. *Кельзен Г.* Причинность и вменение / пер. с англ. А. Б. Дидикина // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, вып. 2. С. 265–282.

6. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / под общ. ред. В. А. Суровцева. Томск, 2005.

7. *Ладов В. А.* Иллюзия значения. Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск, 2008.

8. *Оглезнев В. В.* Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск, 2012.

9. *Оглезнев В. В.* Отменяемость и юридический язык: в защиту Г. Харта // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия «Философия, социология, политология». 2014. № 2. С. 161–169.

10. *Сокулер З. А.* Проблема «следования правилу» в творчестве Л. Витгенштейна и ее интерпретации // Современная аналитическая философия. Вып. 1. М., 1988.

11. *Суровцев В. А., Ладов В. А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск, 2008.

12. *Харт Г.* Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева, А. Б. Дидикина. СПб., 2007.

13. *Bix B.* Law, Language and Legal Determinacy. Clarendon Press, Oxford, 1993.

14. *Dickson J.* Interpretation and Coherence in Legal Reasoning (2005) // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: www.plato.stanford.edu (accessed: 15.03.2015).

15. *Langille B.* Revolution without Foundation. The Grammar of Scepticism and Law // McGill Law Journal. 1988. Vol. 33. P. 451–505.

16. *Marmor A.* The Nature of Law (2001) // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: www.plato.stanford.edu (accessed: 15.03.2015).

17. *Patterson D.* Law's Pragmatism: Law as Practice and Narrative // Virginia Law Review. 1990. Vol. 76. 937.

18. *Pears D.* The False Prison. Oxford, Clarendon Press, 1988.

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2015 г.

УДК 111.1 + 13:2-21 + 2.11:141.78

Ю. В. Горбатова

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ УПРОЩЕННЫХ ВЕРСИЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА

В 2010–2011 гг. в журнале «Analysis» состоялась небольшая захватывающая полемика[1] по поводу онтологического аргумента. В защиту аргумента с обновленной его версией выступили Линн Раддер Бэйкер и Гаррет Мэтьюз. Их оппонентом были известный знаток современной аналитической теологии Грэм Оппи — автор книг «Рассуждения о Боге» [8] и «Онтологический аргумент и вера в Бога» [11]. В данной работе на примере указанной серии статей автор стремится продемонстрировать, что в настоящее время подход, предложенный Бэйкером и Мэтьюз, является уже несколько анахроничным и требует существенной доработки, а также (желательно) и формализации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: онтологический аргумент, современная аналитическая теология, Кант.

1. Онтологический аргумент Ансельма. Трудности понимания

В настоящей работе речь пойдет только о доказательстве, предложенном Ансельмом во второй главе «Прослогиона» — «О том, что Бог поистине есть,

[1] См.: [6, 7, 9, 10].

© Горбатова Ю. В. , 2015